

С. А. Фокина
(Одесса)

КОНЦЕПТ ‘РЕВНОСТЬ’ В МЕНТАЛЬНОМ УНИВЕРСУМЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

У статті аналізується вплив на специфіку концепту ‘ревності’ світоглядних доминант, культурного та особистого досвіду Марини Цветаєвої. Для вирішення поставленого завдання осмислюється ряд віршів і висловлювань поетеси, що порушують тему ревності. Досліджується також своєрідність образів та символіки, що входять до семантичного поля концепту.

Ключові слова: концепт ‘ревності’, ментальний універсум, світоглядні доміанти, комунікація, символ.

The article deals with the specific character of the concept of *jealousy* in the context of M. Tsvetaeva’s world-view dominants, her cultural and personal experience. To solve the problem we have investigated a series of the poetess’s poems and expressions that affect the theme of jealousy. The originality of the images and symbols, included in the semantic class of the concept, has also been analysed.

Key words: the concept of jealousy, mental world, world-view dominants, communication, symbol.

Актуальность поставленной проблемы связана с интересом современного литературоведения к изучению творчества того или иного поэта в аспекте осмысления его концептосферы. Изученность концепта ‘ревность’ в ментальном универсуме Марины Цветаевой, несмотря на акцентирование актуальности данной проблемы в цветаеведении, носит все еще фрагментарный характер (Л. Зубова [5], М. Мейкин [9]). Кроме того, уделено явно недостаточно внимания выявлению и анализу мировоззренческого пласта, обусловившего специфику цветаевского концепта ‘ревность’.

Цель данной статьи – поливалентный анализ концепта ‘ревность’ в ментальном универсуме М. Цветаевой.

В соответствии с заявленной целью намечены следующие **задачи**: 1) изучить самобытность цветаевского истолкования феномена ревности; 2) рассмотреть мировоззренческий пласт, включающийся в семантическое поле концепта ‘ревность’; 3) включить в исследовательский поиск тексты М. Цветаевой, наиболее показательные в плане функционирования концепта ‘ревность’.

По мысли Е. Кубряковой, зарождение концепта в ментальном универсуме представляет „процесс образования смыслов” [6, 90] и их интерпретации. Согласно исследованиям Ю. Степанова, *концепт* – „сгусток культуры в сознании человека” [11, 43] и основная особенность концептов в том, что они „не только мыслятся”, но и „переживаются” [11, 43]. При этом, как отмечает Д. С. Лихачев, концепт „может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя” [8, 153]. Авторский концепт является показателем не только культурной идентичности личности, но и особенностей ее мышления и мировосприятия. Касательно ключевых слов культуры А. Вежицкая утверждает, что, „тщательно исследуя эти центральные точки”, появляется возможность, „продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом”, а зачастую проясняющие и „целый ряд областей” [2, 37]. Так авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотношении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными.

Концепт ‘ревность’ – один из значимых в цветаевском ментальном универсуме. Ревность воспринимается М. Цветаевой как обостренное экзистенциально-экстатическое переживание длящегося расставания. По признанию М. Цветаевой, любовный опыт приобретает особое значение и становится более полнокровным именно в страдании, реализуясь как невозможность встречи или разлука,

зачастую по тем или иным причинам непреодолимая. В этой связи вспомним высказывание поэтессы: „Все мое желание любви – желание смерти” [12 VI/II, 169].

При этом *ревность* поэтессы осмысляет, сближая его со словом *рвение*. По наблюдению Л. Зубовой, „именно рвение, стремление к победе духовного начала над телесным Цветаева называет ревностью богов в современном смысле этого слова” [5, 71]. Подобная интерпретация ревности создает ситуацию освобождения этого чувства от эротического начала и осмысления ревности как держания вырвать избранника из „земной юдоли”, одухотворив его своей сопричастностью запредельному – поэтической стихии. Но не следует забывать, что особенностью поэтического мира М. Цветаевой становится двупланность, задающая направление интерпретации ее лирики „на высшем уровне текста и на низшем” [4, 100]. Поэтесса, как правило, включает в текст своих стихотворений коды, отсылающие как к прочтению, затрагивающему духовно-экзистенциальную сферу, так и к эротическому подтексту.

В цветаевском мире концепт ‘ревность’ определяет своеобразие коммуникации, эмоциональным центром которой всегда выступает покинувший возлюбленный. Такая коммуникативная стратегия акцентирует неистовство чувства, оказывающееся сильнее возникшей отдаленности адресата и затмевающее зыбкий образ соперницы.

С точки зрения А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня, авторов „Семиотики страстей”, ревность „находится на пересечении двух конфигураций: *привязанности* и *соперничества*” [3, 199]. В поэтическом мире М. Цветаевой сопряжение привязанности и соперничества как важнейших доминант ревности проявляется в утверждении интенсивности переживания лирического „я”. В записных книжках М. Цветаева замечает: „Любовь без ревности есть любовь вне пола. <...> И чем *нулевее* соперник – тем *полнее* ревность <...>” [12 VI/II, 86]. В осмыслении поэтессы соперничество наделяет ревность в полной мере безысходностью страдания, но фигура соперника воспринимается ею все же как случайность. Кроме того, „привязанность может остаться неизменной независимо от эволюции отно-

шений между субъектом и объектом: так, субъект может мечтать о соединении с объектом даже в случае смерти или исчезновения последнего” [3, 211]. При различных условиях коммуникации неизбывность ревности неизменно обыгрывается М. Цветаевой как стремление к духовной победе.

Экстатичность, присущая психосфере, моделируемой в поэтическом мире М. Цветаевой, способствует тому, что включение любого переживания в ее орбиту трансформирует изображаемое чувство до его апогея, неизменно наделяя неистовостью. Поэтому ревность, будучи чувством амбивалентным по своей природе, обеспечивает напряженность „лирического тока”. По мнению А. Бахраха, „даже в таких патетических и, казалось бы, кровью сердца написанных стихах, как “Попытка ревности”, не какое-то конкретное чувство вдохновляло ее на эти вызывающие строки, а, напротив, ее ревность (если таковая имела место) питалась и росла от поэтической удачи” [1, 14].

Свидетельство А. Бахраха показательно прежде всего в том смысле, что имплицитно фиксирует ряд особенностей цветаевского концепта ‘ревность’. Вне предельной интенсивности лирика утрачивает в глазах М. Цветаевой свою силу и подлинность. Именно ревность, согласно логике поэтессы, способна придать полнокровность любому переживанию. Для обеспечения необходимого накала ревность, в том или ином ее проявлении, должна присутствовать в психо-эмоциональной сфере. В цветаевском поэтическом мире включение концепта ‘ревность’ в различный тематический спектр способствует его расширению, переосмыслению и авторской мифологизации.

Тема ревности в ментальном универсуме М. Цветаевой тесно связана с мотивом колдовства. Ревнующая зачастую оказывается чернокнижницей-ворожеей – достаточно вспомнить стихотворение 1918 года „Развела тебе в стакане...”. Коммуникативная направленность вышеназванного стихотворения определяется следующей сюжетной позицией: „лирическая повествовательница использует колдовские чары, чтобы разлучить (более молодого, чем она) адресата с его (юной) женой за то, что тот, возможно, покинул повествователь-

ницу” [9, 43]. В 1920-е годы новое истолкование темы ознаменовало создание лирического послания „Попытка ревности”. Ревность, выносимая в название, и обращенность к покинувшему возлюбленному на сей раз приближают статус высказывания к оккультному.

Попытка ревности

Как живётся вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плывучем острове
(По́ небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сёстрами,
Не любовницами – вам!

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),

Как живётся вам – хлопочется –
Ёжится? Встаётся – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живётся вам с любою –
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живётся вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

Как живётся вам с чужою,
Здесьнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живётся вам – здоровится –
Можется? Поётся – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живётся вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, бѣз шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

(19 ноября 1924 г.)

Предельная интенсивность лирического переживания, эксплицируемая в „Попытке ревности”, наделяет поэтическое высказыва-

ние силой перформатива. Такое предположение подтверждают слова И. Эренбурга об этой особенности цветаевского дарования, отразившейся наиболее полнокровно именно в вышеупомянутом стихотворении. В восприятии И. Эренбурга М. Цветаева „умела ворожить словами, как слагатели древних заговоров” [14, 99]. Действительно, организация дискурса лирического „я” в этом стихотворении на ритмическом, тематическом и архетипическом уровнях строится как стилизация любовного заговора. Как известно, творящий заговор должен ощутить „себя причастным сверхъестественному миру” и внушить „это другим, включая неземные силы” [10, 370]. Дискурс ревнующей моделирует подобие заклинания. Ревность активизирует колдовские потенции, присущие в цветаевском мифе лирическому „я”.

Слово в „Попытке ревности”, приобретая магическую силу, наделяется способностью не только преодолеть расстояние, разделяющее коммуникантов, но и с помощью колдовства трансформировать ситуацию. Страстное неистовство лирического „я” изливается не в проклятиях или жалобах, а в том, что покинувший возлюбленный уличен в выборе своей судьбы, унижающей его в глазах ревнующей. Первым адресатом „Попытки ревности” является К. Родзевич, с которым М. Цветаеву связывали в период, предшествующий созданию стихотворения, любовные отношения. Известна также версия об обращенности лирического послания к М. Слониму. С точки зрения В. Швейцер, „Попытка ревности” „не имеет посвящения <...> навеянные разрывом с Родзевичем и несостоявшимся романом со Слонимом, стихи не относятся персонально ни к тому, ни к другому, а имеют собирательного адресата” [13, 321–322]. Для генерирования смыслов, обусловленных включением в текст концепта ‘ревность’, значимо, что факт биографии – отношения с К. Родзевичем – трансформируется в ментальном универсуме поэтессы. Чувства ревности и разочарования, соотносимые с реально существовавшим адресатом, составляют своего рода биографический слой цветаевского концепта (аналогичный историческому слою концепта культуры [см. 11]). Модифицировать личный опыт, расширив его до мифологического и в соответствии с этим поли-

культурного, позволяет введение смыслового комплекса, связанного с образом Лилит.

Образ Лилит олицетворяет идею женской избранности – равности Адаму, и колдовских потенциалов. Способность к колдовству в ментальном универсуме М. Цветаевой метафорически означает перформативную силу поэтического дара. Призрачность Лилит и принадлежность иному миру как „моря паров” [7, 283] на смысловом уровне соотносит ее с семантикой имени *Марина* и образом Психеи – души-дыхания. Лилит выступает своего рода демоническим эквивалентом Психеи и новой вариацией поэта-чернокнижницы. Но при этом Лилит отмечена предрешенностью разлуки, одиночества и даже отвергнутости. Лилит оказывается символическим воплощением ревности – образно реализуя данный концепт. Развязка „Попытки ревности” преломляет ситуацию. Упреки сменяются признанием ощущения внутреннего единства ревнующей и ее возлюбленного. Такая коммуникативная направленность становится знаком преодоления возникшей разделенности их судеб. Так зарождается возможность духовной победы ревнующей и примирения с ее избранником. Интенсивность чувства и магическая направленность послания оказываются способны превозмочь неизбежность разлуки.

Подводя итоги, следует отметить, что концепт ‘ревность’ можно рассматривать как один из ключевых в ментальном универсуме М. Цветаевой. Выявление ментальных показателей позволяет осмыслить мифологическую, психологическую, символическую составляющие концепта ‘ревность’ в их взаимодополнении и генерировании новых смыслов.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане углубления изучения специфики концепта ‘ревность’ на основе привлечения более широкого круга текстов Марины Цветаевой.

Литература

1. Бахрах А. Звуковой ливень / А. Бахрах // Марина Цветаева в критике современников : в 2 ч. – М. : Аграф, 2003. – Ч. 2 : 1942–1987 годы. Обреченность на время. – 2003. – С. 11–16.

2. Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов ; [пер. с англ. А. Д. Шмелева] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души ; [пер. с фр. И. Г. Меркуловой] / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М : ЛКИ, 2007. – 336 с.
4. Ельницкая С. Две „Бессонницы” Марины Цветаевой / С. Ельницкая // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years. Материалы симпозиума. 1994, Published by Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California. – С. 91–110.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л. : Ленингр. ун-т, 1989. – 264 с.
6. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : МГУ. Филологический факультет, 1996. – С. 90–93.
7. Куклев В. К. Лилит / В. К. Куклев // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель : МИФ : АСТ, 2001. – С. 283–285.
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия ОРЯ: Серия литературы и языка. – Т. 52. – № 1. –1993. – С. 147–165.
9. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения / М. Мейкин. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 312 с.
10. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура: [курс лекций]. – М. : Академия, 2007. – 432 с.
11. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы: словарь русской культуры. – М. : Академический проект, 2004. –С. 42–83.
12. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998.
13. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.
14. Эренбург И. Поэзия Марины Цветаевой / И. Эренбург // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. – М. : Аграф, 2003. – Ч. 2: 1942–1987 годы. Обреченность на время. – С. 98–108.